УДК 929.52

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-136-153

Семейная история великого царя: к выходу нового исследования

Евгений В. Пчелов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dep_kvsid@rggu.ru*

Аннотация. В статье анализируется новая монография Н.Ю. Болотиной, А.Ю. Кононовой и М.О. Болотиной «Пётр I в кругу семьи. Исследование и документы» (М., 2023), опубликованная к юбилею Петра Великого. В книге впервые на основе огромного комплекса исторических источников, прежде всего архивных документов, реконструируется семейная история одного из самых замечательных правителей России. Подробнейшим образом рассказывается о всех важнейших событиях личной жизни царя, даются характерологические и психологические портреты членов его большой семьи, раскрываются особенности взаимоотношений Петра I с родственниками, прослеживаются внутрисемейные конфликты и их истоки. В книге даются ответы на множество конкретных вопросов биографий и генеалогии династии Романовых конца XVII – первой четверти XVIII в. Определены точные даты жизни персон, выявлены традиции имянаречения, рассказано о детстве в царской семье, об уровне образования и обстоятельствах жизни. Книга содержит также современную публикацию более 300 различных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Важной частью является сводный перечень эпистолярного наследия семьи Петра I, в котором учтено почти полторы тысячи документов, включая неопубликованные письма. Книга, безусловно, встанет в ряд с крупнейшими научными монографическими исследованиями Петровской эпохи и вносит огромный вклад в изучение династической и семейной истории дома Романовых.

Ключевые слова: Пётр I, династия Романовых, генеалогия, биографика, семейная история

Статья поступила в редакцию 14 марта 2024 г.;
принята к публикации 20 мая 2024 г.

© Пчелов Е.В., 2024

Для цитирования: Пчелов Е.В. Семейная история великого царя: к выходу нового исследования // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 136–153. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-136-153

The family history of the great Tsar. On the publication of a new study

Evgenii V. Pchelov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, dep_kvsid@rggu.ru*

Abstract. The article analyzes a new monograph by N.Yu. Bolotina, A.Yu. Kononova and M.O. Bolotina “Peter the Great in the family circle. Research and Documents” (Moscow, 2023), published for the anniversary of Peter the Great. For the first time, the book reconstructs the family history for one of the most remarkable rulers of Russia, relying on a huge complex of historical sources, primarily archival documents. In great detail, the research recounts all the most important events in the personal life of the tsar, draws up the characterological and psychological portraits of his family members reveals the peculiarities of Peter I’s relationship with the relatives, traces the internal family conflicts and their origins. The book provides the answers to many specific questions about the biographies and genealogy of the Romanov dynasty of the late 17th – first quarter of the 18th centuries. The study defines the exact dates of the persons’ lives, reveals the naming traditions, presents the story of childhood in the royal family, shows the level of education and describes the circumstances of life. The book also contains a current publication of more than 300 different sources, many of which are introduced into the scientific circulation for the first time. Another important part consists of the consolidated list of the epistolary heritage of the Peter I’s family; it contains almost one and a half thousand records, including unpublished letters. The book contributes immensely to the study of the dynastic and family history of the house of the Romanovs and will certainly rank among the largest scientific monographic studies of the Peter the Great era.

Keywords: Peter I, Romanov dynasty, genealogy, biography, family history

The article was submitted 14.03.2024;
accepted for publication 20.05.2024.

For citation: Pchelov, E.V. (2024), “The family history of the great Tsar. On the publication of a new study”, *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 136–153, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-136-153

Введение

Династическая история монарших родов – тема важная, но в отечественной историографии разработанная достаточно слабо. Между тем для истории России она представляет большой интерес. В условиях самодержавной монархии семейное положение и семейные взаимоотношения государя со своими родственниками определяли множество важнейших аспектов государственной, политической, а зачастую и культурной жизни страны – от принципиально значимых в любой монархической системе вопросов престолонаследия до внешнеполитических векторов, связанных с теми или иными междинастическими браками и новыми родственными связями, возникавшими благодаря им. Не говоря уже о том, какое значение имеет исследование семейной истории для установления точных фактов генеалогии и биографики, для просопографии, если под ее объектом подразумевать некую семейную целостность, для реконструкции многих, казалось бы, мелких деталей исторической фактологии, без которых, тем не менее, наши представления о прошлом не могут быть ни полными, ни точными.

В центре внимания такого, недавно вышедшего, монументального исследования Н.Ю. Болотиной, А.Ю. Кононовой и М.О. Болотиной «Пётр I в кругу семьи: Исследование и документы» (М.: Фонд «Связь Эпох», Кучково поле: Музеон, 2023. 872 с.; 144 с. ил.) – семейная история одного из наиболее ярких и выдающихся российских государей – Петра Великого (1672–1725). Вообще эту историю отличает несколько принципиально важных для ее понимания моментов, отмечавшихся в историографии и ранее.

Особенности династической истории Романовых XVII – начала XVIII в.

Во-первых, определяемый чисто генеалогическими и даже генетическими [Голубовский 2011] причинами состав царственного рода Романовых в XVII–XVIII вв. – эта правящая династия по преимуществу состояла из женщин. Детность у Романовых в XVII в. была большой (у Михаила Фёдоровича – 10 детей, у Алексея Михайловича – 16 от двух браков), детская смертность также занимала существенный процент от количества рождений, хотя и уменьшалась со временем. Но главное, количество рождавшихся девочек было больше, чем количество мальчиков, а средняя продолжительность жизни мужчин была ниже, чем средняя продолжительность жизни женщин. Так, из царей Романовых XVII в. никто не достиг 50-летнего возраста. Продолжительность же жизни

царевен колеблется между 42 (царевна Наталья Алексеевна) и 70 (царевна Татьяна Михайловна) годами. Однако до 50 лет не дожили только две царевны – уже упоминавшаяся Наталья Алексеевна и Софья Алексеевна (прожила 46 лет), большинство же царевен перешагнули 50-летний рубеж. Физически женщины Романовского рода были, по-видимому, значительно крепче мужчин.

Грубо, но справедливо, вслед за одним из современников, такую ситуацию можно охарактеризовать как «бабье царство», а более интеллигентно назвать «царством женщин». Даже тогда, когда правили мужчины (с 1613 по 1725 г. и спорадически далее), они были окружены сонмом родственниц-женщин, которые, даже занимая в XVII в., казалось бы, более «приниженное» положение, не могли не влиять на своих царственных сородичей-мужчин, и если для эпохи так называемых дворцовых переворотов роль женщины в династической истории очевидна, то для предшествующего периода она изучена гораздо меньше. Не стал в этом отношении исключением и Пётр I. С началом своего правления в 1682 г., помимо малолетних сыновей и внука, в его родственном окружении было только двое мужчин: брат – царь Иван Алексеевич, умерший в 1696 г., и сын – царевич Алексей Петрович, погибший в 1718 г. Именно на последнего в полностью женском родственном окружении Пётр и возлагал до определенного времени свои надежды, столь обостренно им воспринимавшиеся. Кончина же любимого сына от Екатерины I Петра Петровича в 1719 г. и малолетство внука Петра Алексеевича в определенной степени послужили поводом для создания новой системы престолонаследия, воплощенной в Уставе о наследии престола 1722 г., который для стремительно угасавшей династии был подлинным спасением [Пчелов 1999]. В течение своего правления великий реформатор был окружен двумя тетками, семью сестрами, двумя невестками, тремя племянницами, не говоря уже о собственных женах и дочерях. Всем этим женским «контингентом» нужно было как-то управлять и как-то с ним справляться...

Во-вторых, на взаимоотношения внутри династии, безусловно, влияло наличие двух семей у отца Петра, царя Алексея Михайловича. От первого брака с царицей Марией Ильиничной (Милославской) у него родилось 13 детей, от второго, с царицей Натальей Кирилловной (Нарышкиной) еще трое, и даже если не все из них дожили до взрослого возраста, семья все равно оставалась очень большой. Противоречия и борьба между «партиями» условно Милославских и условно Нарышкиных во время стрелецких бунтов 1680-х гг. – общее место в наших представлениях об историческом процессе в то время. В самом деле, события 1682 г. ознаменовались столкновением интересов двух сравнительно молодых

и энергичных женщин – 25-летней царевны Софьи и 30-летней царицы Натальи Кирилловны. Но и позднее, после сокрушения Софьи, внутрисемейный конфликт не был изжит окончательно и его запоздалые импульсы можно усматривать и во взаимоотношениях императрицы Анны Иоанновны с Елизаветой Петровной, и в печальной участи так называемого Брауншвейгского семейства. Однако детали этих взаимоотношений между двумя царскими семьями не всегда ясны, а их тщательная реконструкция демонстрирует отсутствие очевидной однозначности. Это прекрасно показано в анализируемой книге – шаг за шагом авторы рассматривают разные аспекты отношений Петра и его младшей родной сестры Натальи со старшими сестрами, а также и с племянницами, в том числе с будущей императрицей Анной. Из всего огромного массива представленной в книге интереснейшей информации становится ясно, что сестры, хотя и не все, в целом все-таки не были в полной мере сторонницами Петра, а стояли, скорее, ситуативно на стороне своих опальных родственников (царевны Софьи, царицы Евдокии и царевича Алексея), в то время как племянницы (как, впрочем, и их мать) смогли найти общий язык как с самим царем, так и со второй его семьей – супругой Екатериной Алексеевной и даже с ее дочерями.

В-третьих, в эпоху Петра и благодаря ему была прорвана абсолютная династическая изоляция Романовской семьи. Несмотря на определенные планы брачных союзов с иностранными правящими родами, ни один из них в XVII в. не осуществился (это касается не только Романовых, но и предшествующей царственной семьи Годуновых). Камнем преткновения, как известно, был вопрос вероисповедания. Прорыв произошел только при Петре в 1710 г., и «спусковым крючком», как прекрасно показано в книге, послужила Полтавская виктория, а «окном возможностей» – толерантное отношение Петра к вопросам веры. Эта династическая «революция» привела к «семейному» закреплению Романовых почти на всем побережье Балтийского моря [Пчелов 2017, с. 51–54] и к органичному вхождению русской династии в семью европейских монархов, в которой она оставалась и дальше, вплоть до конца своего существования. В книге подробно рассказывается как об этих брачных союзах петровского времени, инициаторами которых в большинстве случаев выступали европейские дворы, так и о не реализовавшихся планах, охватывавших многие династии Европы вплоть до французских Бурбонов. Этот матримониальный аспект – один из важнейших и прекрасно представлен на страницах рассматриваемого труда.

Начальный период жизни царевича Петра Алексеевича (1672–1676 гг.)

Структура книги состоит из нескольких частей. Сначала идет детальное исследование семейной истории Петра I с момента его рождения и вплоть до его смерти и некоторых последовавших затем событий. Эта монографическая работа включает семь глав, построенных по хронологическому принципу, что вполне естественно и абсолютно закономерно. Первая глава посвящена начальному периоду жизни Петра до смерти его отца Алексея Михайловича, т. е. первым четырем годам детства. Естественно, история начинается с момента знакомства царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, которая происходила хотя и из старинного, но не слишком знатного рода. Кстати, авторы почему-то пишут, что родоначальником Нарышкиных был некий караим Мордка Курбат по прозвищу Нарышка – источник этих сведений совершенно неизвестен, поскольку официальная родословная Нарышкиных, поданная ими в Палату родословных дел, выводила их род от некоего крымского татарина с прозвищем Нарышко, выехавшего будто бы к Ивану III в начале 1460-х гг. Однако еще с дореволюционных времен в историографии утвердилось скептическое отношение к этой легенде, стоящей в ряду других преданий о мифических выездах предков из чужеземных стран. Авторы вполне доверяют семейному преданию Матвеевых, сохраненному Я. Штелиным, о том, что встреча царя со своей будущей женой произошла в доме А.С. Матвеева, который был близким другом Алексея Михайловича.

Также рассматриваются факты, связанные с рождением и крещением Петра, в том числе время и место его появления на свет (авторы вполне справедливо присоединяются к обоснованному мнению о том, что царевич родился в московском кремле, хотя, как кажется, оставляют без внимания некоторые исследования, связанные со временем его рождения [Симонов 1990]). Подробнейшим образом, с опорой на документальные источники, реконструируются первые годы жизни царевича. Здесь важно подчеркнуть, что такой, чрезвычайно тщательный и источниковедчески выверенный подход характерен для всей книги. Наблюдения и выводы авторов опираются на строгую источниковую базу прежде всего архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Текст книги наполнен интереснейшими цитатами из различных источников, что делает нарисованную авторами картину личной и семейной жизни Петра сугубо фундированной и глубоко обоснованной. В этом состоит безусловная ценность данного труда,

представляющего собой результат блестящего источниковедческого анализа, благодаря которому развенчиваются многие мифы и устанавливаются точные факты. Нельзя также не отметить, что авторы принадлежат к научной школе Историко-архивного института, где именно такой подход с опорой на строгое источниковедческое знание и анализ всегда был и остается центральным в исследовании прошлого.

Но вернемся к детству будущего царя. В первой главе убедительно показано, что многие будущие предпочтения и увлечения, характерные для Петра уже во взрослом возрасте, своими истоками имеют именно детские, причем ранние детские годы. Это и страсть к путешествиям, заложенная ранними поездками с семьей в загородные резиденции и на богомолья, и огромное внимание к военному делу, к которому Петра начали приобщать буквально с первых лет жизни (воинские игрушки и создание потешного полка), и любовь к книгам, связанная с обучением грамоте, начало которому, по мысли авторов, было положено уже при жизни Алексея Михайловича. Не отрицают авторы и европейского культурного влияния, проводником которого был гувернер шотландец П. Менезий, приглашенный Алексеем Михайловичем. Наконец, именно с раннего детства идет и особая, братская любовь Петра к младшей сестре – погодку Наталье Алексеевне, сохранявшаяся на протяжении всей ее жизни. Так из первых детских впечатлений возникали и формировались те интересы и сферы деятельности, которые обрели сущностный характер для личности великого реформатора.

Пётр Алексеевич в период правления царя Фёдора и регентства царевны Софьи

Вторая глава охватывает жизнь Петра во время правления его старшего брата, царя Фёдора Алексеевича, т. е. в 1676–1682 гг., события 1682 г. и регентство Софьи Алексеевны, т.е. период до женитьбы Петра на Евдокии Лопухиной в 1689 г. Здесь обоснованно развенчивается миф о якобы исключительно хорошем отношении Фёдора Алексеевича к своей мачехе и ее детям. На самом деле эти отношения были весьма прохладными, и царь Фёдор, по-видимому, не испытывал особенно теплых чувств ко второй семье своего отца (что было характерно и для большинства его родных сестер). Очень живо описаны события стрелецкого бунта 1682 г., в эпицентре которых оказались и Наталья Кирилловна, и десятилетний Пётр. Здесь авторы особенное внимание уделяют их психологическому состоянию, тому потрясению, которое

оказали на них гибель близких людей, кровавые беспорядки тех трагических дней. Наталья Кирилловна получила тогда глубокий стресс, и у нее начала развиваться болезнь сердца, в конечном итоге и сведшая ее, по-видимому, в могилу, а Пётр помнил эти события всю оставшуюся жизнь (что подтверждается источниками даже о начале 1720-х гг.), а его шоковое состояние и детские впечатления сделали его характер неустойчивым и привели к приступам эпилептического типа. Именно стрелецкий бунт 1682 г., а не внезапное ночное бегство Петра в Троице-Сергиев монастырь в 1689 г., нанес Петру глубокую психологическую травму, последствия которой мучали его до конца дней. О состоянии здоровья Натальи Кирилловны после бунта красноречиво свидетельствуют рецепты лекарственных препаратов, выписывавшиеся ей придворными медиками. Надо сказать, что этот примечательный вид источников неоднократно упоминается в книге и используется при изложении материала, хотя авторы и оговариваются, что по нему можно лишь в самом общем смысле определить заболевания членов царской семьи, поскольку и диагностика, и фармация с тех пор, естественно, претерпели кардинальные изменения.

Период регентства царевны Софьи ознаменовался для молодого царя, проводившего летние месяцы в подмосковном Преображенском, новыми увлечениями, прежде всего мореплаванием и кораблестроением. Кстати, представляет интерес тот факт, что первоначально Пётр боялся воды, но от этого страха избавил его не кто иной, как старший брат царь Иван Алексеевич. Вообще личность Ивана Алексеевича, как верно замечают авторы, заслуживает гораздо большего внимания и тщательного исследования. Он, конечно, не был слабоумным, как нередко рисуют его в популярной литературе, но физически, по всей видимости, крепким не был, хотя и жил абсолютно нормальной, в том числе и семейной жизнью. В этом контексте мне кажется важным присмотреться к иностранным свидетельствам о том, что старший царь имел какой-то дефект речи и говорил весьма невнятно¹. Возможно, именно эта особенность, в те времена ставившая некоторые препоны на пути развития ребенка, и могла привести к впечатлению об его умственной отсталости, что было, как видим, на самом деле отнюдь не характерно для Ивана Алексеевича. Также Пётр в те годы продолжал свои воинские экзерциции, получал навыки различных ремесел, увлекался чтением и церковным пением, большим знатоком которого он стал.

¹ *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 2. С. 227.

Первая семья царя Петра Алексеевича

Третья глава начинается с женитьбы Петра на Евдокии Лопухиной в 1689 г., т. е. с создания его собственной семьи. Однако прежде авторы рассказывают об иных, предшествовавших этому событию матримониальных планах – возможном браке Петра и имеретинской царевны Дарьи Арчиловны, чья семья состояла в родстве с Милославскими, а также и о других претендентках. Чрезвычайно интересной оказывается имя некоей княжны Трубецкой, которое до недавнего времени представляло собой загадку. Но Н.Ю. Болотиной не так давно удалось установить имя несостоявшейся невесты Петра, не зафиксированное ранее в генеалогиях князей Трубецких. Ею оказалась княжна Мария Юрьевна Трубецкая, сестра генерал-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича и сенатора князя Юрия Юрьевича, племянница «великого Голицына», фаворита царевны Софьи. Биографии этой неординарной женщины петровского времени уделено в книге несколько увлекательных страниц. Ее супругом стал крупный дипломат и позднее один из «верховников» князь Василий Лукич Долгоруков, и сама Мария Юрьевна сыграла определенную роль в дипломатической истории России.

Но вернемся к свадьбе с Евдокией Лопухиной. Авторы детально реконструируют все события, с нею связанные, а также описывают начальный период жизни супружеской пары до отъезда Петра в Архангельск в 1693 г. За это время у царской четы родилось двое сыновей, Алексей и Александр (вскоре, однако, умерший), а в семье царил лад. Как отмечают авторы, «изначально в семейной жизни Петра I отсутствовал конфликт с Евдокией или неприязнь к ней, а отношения их складывались как у отцов и дедов, по заветам Домостроя, господствующим в средневековой Руси». В событиях 1689 г., связанных с отстранением Софьи от власти, Пётр опирался в том числе и на поддержку семьи своего брата Ивана Алексеевича, который, в частности, испытывал добрые чувства к своей мачехе, Наталье Кирилловне. В фактическом союзе Петра и Ивана против Софьи в ту пору авторы усматривают истоки дальнейшего уважительного и доброжелательного отношения Петра к вдове брата, царице Прасковье Фёдоровне и ее дочерям, особенно Екатерине, которая родилась почти одновременно с младшим сыном Петра от Евдокии Александром (при дворе даже были объединены празднования по случаю их появления не свет). Показательно, впрочем, что царь Иван поддерживал родственную связь и с царевной Софьей, уже после того, как она была помещена на жительство в Новодевичий монастырь и пользовалась там относительной свободой. Это лишний раз показывает доброту души «старшего» государя, который, как утверждают авторы, вовсе не чурался церковных

и придворных церемоний и участвовал в политической жизни. Все эти тонкости взаимосвязей и взаимодействий внутри большой царской семьи делают полнее наши представления о личностных «пружинах» истории, а их детальное рассмотрение проходит красной нитью по всей книге, что придает ей не только очень интересный, но и поистине новаторский характер.

В той же главе авторы ставят еще один немаловажный вопрос – это отношение к смерти родных в те времена в целом, и самого Петра в частности. Они показывают, что это отношение было принципиально иным, чем теперь, а личностные особенности царя вполне объясняют его, казалось бы, на первый взгляд «равнодушное» или отстраненное восприятие потерь близких людей. Здесь важно подчеркнуть, что в течение жизни Петра покинули этот мир не только его родители (отец, когда сыну не было и четырех лет, и мать, когда ему было почти 22 года), но и все братья и сестры, обе его невестки, его тетки, жена сына и девять детей.

Время дальних странствий Петра I

Четвертая глава называется «Время дальних странствий царя Петра Алексеевича», и основное внимание в ней уделено поездкам Петра по России и за границу, начиная от Архангельска и вплоть до возвращения из «Великого посольства» в 1698 г. Для царя это было время настоящего «прорыва» в новый мир и одновременно больших потерь – ушли из жизни царица Наталья Кирилловна и царь Иван, все более и более увеличивался разлад с женой... Одну из причин последнего авторы усматривают и в отношениях царицы Евдокии Фёдоровны и царевны Натальи Алексеевны: более высокий статус сестры «усугубил противоречие между женщинами и ревность к любимому человеку: для одной – единственному родному брату, для другой – мужу». Евдокия все больше и больше сближалась со старшими сестрами Петра и особенно с царевной Марией Алексеевной, поддерживавшей ее и позднее, во время пребывания опальной супруги в Покровском монастыре. Стрелецкий бунт 1698 г. поставил окончательный крест на этом браке. Авторы осторожно предполагают, что пострижение Евдокии, которое фактически означало прекращение брака, т. е. развод (как это бывало в семьях русских государей, начиная с Соломонии Сабуровой), было как-то сопряжено с розыском о стрельцком бунте. Возможно, Пётр узнал о каком-либо вольном или невольном соучастии Евдокии в поддержке замыслов стрельцов и царевны Софьи.

Как бы то ни было, 1698 год ознаменовался окончательным разрывом с прошлым – и с первой женой, и с двумя мятежными

сестрами, из которых царевна Марфа оказалась замешанной в дело почти случайно, да и вина ее не была доказана (впрочем, как и вина Софьи тоже). Тем не менее постриг приняли и Евдокия (с именем Елены), и Софья (с именем Сусанны), и Марфа (с именем Маргариты). О тяжелой жизни царских сестер-инокинь, особенно много страдавшей Марфы, в книге рассказано, как всегда, подробно, а вот «документов о пострижении царицы Елены, ее жизни в стенах Покровского монастыря, финансировании содержания и организации быта» в архивных материалах ряда фондов, несмотря на все предпринятые поиски, «обнаружить не удалось».

К слову, один из важных моментов, связанных с перепиской между членами царской династии (являющейся одним из основных источников исследования), заключается в тогдашней грамотности женщин (в овладении грамотой Петром сомнений, разумеется, нет). Наблюдения авторов, в том числе палеографические, свидетельствуют о том, что, например, царица Наталья Кирилловна вряд ли умела писать («да ей это и не нужно было»), а вот «уже следующее после нее поколение женской части семьи обучалось грамоте – у нас есть послания, написанные собственноручно сестрами Петра Алексеевича, его супругой Евдокией Фёдоровной, царицей Прасковьей Фёдоровной и ее дочерьми».

После возвращения Петра из «Великого посольства» наступило время кардинальных реформ (принципиально существенный документ – оригинал указа о переходе на новое летосчисление был обнаружен в архивных фондах Н.Ю. Болотиной) и новаций, к которым Пётр стремился приобщить наследника Алексея. Останавливаются авторы и на слухах о «подмене» царя, возникших после его возвращения на родину, показывая, каким образом и на каких основаниях они возникали.

Пётр I и Екатерина Алексеевна

Название пятой главы «“Матка, здравствуй!” Любовь до гроба» говорит само за себя. Центральной ее темой является история отношений Петра и его второй жены Екатерины Алексеевны, причем за период до официальной свадебной церемонии, состоявшейся в 1712 г. Однако и другие аспекты семейной истории Петра не остаются вне поля зрения авторов. Так, рассказывается об обучении и взрослении наследника престола царевича Алексея, менее подробно – и о воспитании его двоюродных сестер, дочерей царя Ивана Алексеевича, для которых Пётр был крестным отцом и которого они воспринимали «батюшкой».

Важнейшая тема – династические связи – также находит место на страницах этой главы. Подробно описываются матримониальные планы и сами брачные церемонии, которые наконец-то ввели Романовых в семью европейских монархов и закрепили за русской династией статус европейской. Это, прежде всего, браки царевны Анны Ивановны и герцога Курляндского и особенно важный брак царевича Алексея Петровича и принцессы Брауншвейг-Вольфенбюттельской, связавший Романовых с семьей императора Священной Римской империи Карла VI (что имело принципиальное значение) и в более отдаленной генеалогической перспективе с союзником Петра Августом Сильным и британским королевским домом. Все это наглядно подтверждают важные дипломатические документы, в том числе грамоты иностранных монархов, адресованные Петру [о грамотах императора Карла VI см.: Болотина 2013].

Конечно, личности Екатерины Алексеевны в этой главе уделяется первостепенное внимание – оно и понятно: на протяжении двух десятилетий именно она была самым близким к Петру человеком, его помощницей во всех домашних и не только делах. Авторы подчеркивают неясность происхождения самой Екатерины, различные версии которого фигурировали в источниках и историографии [см., к примеру: Хоруженко 2001]. Среди эпизодов семейной жизни Петра и Екатерины, еще до официального оформления отношений, было, конечно, рождение пяти детей, трое из которых умерли в младенчестве, а Анна и Елизавета сделали семейные узы родителей еще крепче. Авторы внимательно останавливаются на всех фактах прибавления семейства, решая целый ряд важных биографических и генеалогических вопросов, в том числе о месте рождения Елизаветы Петровны. Таковым они справедливо и обоснованно считают Преображенское, где в основном жила женская часть семьи Петра, а не Коломенское (недостовверная версия, получившая широкое распространение ныне). Рассматривается и вопрос о браке Петра и Екатерины. Авторы полагают, что Пётр обвенчался с Екатериной тайно накануне отъезда в Прутский поход в ночь с 6 на 7 марта 1711 г., а «свадьба 19 февраля 1712 г. в Петербурге стала официальной церемонией, призванной публично подтвердить уже заключенный брак». Однако сложно согласиться с авторами в том, что крещение Елизаветы Петровны в Чудовом монастыре Московского Кремля (где крестились все царские дети) самого по себе «было достаточно, чтобы считать девочку рожденной в законном браке». Рождение до официального венчания родителей, каким бы оно ни было, тайным или явным, на мой взгляд, никак не позволяет сделать такой вывод, даже несмотря на то что этот вопрос никогда не поднимался при жизни Петра, а возник лишь много позднее. Сам по себе высочайший авторитет

российского государя в глазах европейских монархов вряд ли не мог быть препятствием для восприятия его дочерей как незаконно-рожденных при его жизни.

Семейная история Петра I (1712–1717 гг.)

Шестая глава «Дни радостные и дни трагические в семье Петра I» охватывает период с 1712 по 1717 г., когда царственная чета вернулась из большого заграничного путешествия. За это время у Петра и Екатерины родилось еще несколько детей, информации о которых, за редким исключением, не так много. Авторы исследования тщательно анализируют все сведения источников, благодаря чему окончательно устанавливаются факты более чем скромных по своей продолжительности биографий царских отпрысков. Так, устанавливается двуименность царевны Марии-Натальи Петровны, родившейся в 1713 г. В ее наименовании мы видим отголосок той антропонимической традиции, которая была установлена исследованиями А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского – бытования светской христианской двуименности, вполне обыденного явления периода Московского царства [Литвина, Успенский 2019; Литвина, Успенский 2022]. В этом аспекте сочетание родового или семейного (Мария) и крестильного (Наталья) имен в рамках антропонимии царского рода не кажется из ряда вон выходящим явлением, хотя оно и не связано, по всей видимости, с датой рождения царевны (3 марта), поскольку в этот день не празднуется память святых жен (только 28 февраля, за несколько дней до этого отмечается память преподобной Марины, но это иное имя). Такая ситуация также неудивительна, поскольку в эпоху Петра происходит кардинальное изменение традиций имянаречения в царской семье [Пчелов 2011].

Интересны наблюдения авторов над причинами имянаречения следующей царской дочери – Маргариты, появившейся на свет в 1714 г. По их мнению, на выбор имени могла повлиять хронологическая близость рождения дочери и морской победы при Гангуте. Семантика имени Маргарита, связанная с морем, обосновывает это предположение. Маргарита, по данным авторов, также носила второе, крестильное имя – Мария (этот факт, правда, упоминается без ссылок на источники). Далее, конечно, упоминаются и оба сына-«рекрута» – Пётр Петрович, которого родители ласково называли «Шишечкой», и Павел Петрович, родившийся в Везеле и проживший всего три или четыре часа (но, тем не менее, крещеный за это короткое время!).

Отдельной линией выделяется история семьи царевича Алексея Петровича – жизни в России его супруги Шарлотты, к которой Пётр относился очень хорошо, а царевич искренне любил, рождения ею детей Натальи и Петра и, наконец, безвременной смерти брауншвейгской принцессы от послеродовой горячки. Не остаются в стороне и дипломатические усилия по заключению выгодных междинастических браков, в одном из случаев завершившиеся свадьбой царской племянницы Екатерины Ивановны и мекленбург-шверинского герцога Карла-Леопольда. Наконец, авторы останавливаются и на известном бегстве царевича Алексея Петровича за границу вместе с дворовой девушкой Ефросиньей Фёдоровой (о которой на страницах книги, увы, не найдем никаких сведений). И, конечно, европейское турне Петра, осуществленное вместе (и частично параллельно) с Екатериной, вокруг которого также накопилось немало легенд и мифов. Одну из этих красивых легенд – «Пётр, держащий на руках Францию», о том, как русский царь взял на руки малолетнего французского монарха во время аудиенции, – авторы дезавуируют отсутствием упоминаний об этом факте в источниках.

Последние годы Петра I в кругу семейных проблем

Заключительная глава «Эхо дела царевича Алексея Петровича. Последние годы» посвящена событиям с осени 1717 г. и до конца жизни великого царя. Одно из центральных мест закономерно занимает в ней дело царевича Алексея, кардинальным образом повлиявшее на систему российского престолонаследия (его отречение от престола – «Клятвенное обещание», затем розыск и трагическая смерть под пытками). Смерть нового наследника Петра Петровича в 1719 г. перечеркнула все надежды Петра и в конечном итоге послужила одной из причин создания «Устава о наследовании престола». Вместе с московским сыском по делу царевича шел и судальский – против его матери, с которой оказалась связана царевна Мария Алексеевна (беседовавшая и с царевичем по пути его отъезда из России). Последняя из сестер Петра пала жертвой его маниакальной подозрительности. Одного лишь разговора с племянником и подарков невестке хватило, чтобы обречь несчастную женщину, хорошо хоть не на постриг, но на строгий домашний арест до конца ее жизни. Последним отблеском московской романовской старины оказалась пережившая ее на несколько месяцев царица Прасковья Фёдоровна, увидевшая-таки за год до смерти вернувшуюся из Европы старшую дочь Екатерину с маленькой дочерью, будущей Анной Леопольдовной.

И опять-таки большое внимание уделяется матримониальным планам – как в отношении вдовой курляндской герцогини Анны Ивановны, так и подросших дочерей Петра, младшую из которых отец мечтал выдать замуж за французского короля Людовика XV. Книга заканчивается смертью царя и браком Анны с герцогом Голштейн-Готторпским, открывшим новую страницу в семейной истории Романовых.

Конечно же, в кратком очерке просто невозможно перечислить весь тот круг вопросов, которым авторы уделяют внимание на страницах своего фундаментального и многоаспектного труда. Жаль только, что некоторые персонажи теряются в свете основных героев. Так, какими-то безвестными тенями на страницах книги проходят образы царских сестер Евдокии, Екатерины и Феодосии Алексеевны, да и царским теткам Татьяне и Анне Михайловнам уделено не слишком много места. Почти ничего не говорится о вдовой царице Марфе Матвеевне, хотя авторы и оговариваются, что сведений о ней в источниках сохранилось совсем мало. Но все-таки хотелось бы что-то узнать и о них, почти неизвестных женщинах царской фамилии. Неясен источник сведений о пострижении царевны Феодосии Алексеевны, якобы носившей в иночестве имя Сусанна. Как кажется, она до конца своих дней жила в миру и пострига не принимала, но я могу ошибаться. В заключении книги хотелось бы видеть родословную роспись первых поколений династии Романовых со всеми точно установленными авторами биографическими и генеалогическими данными. Это значительно бы облегчило труд последующих исследователей и позволило бы в емкой форме представить результаты исследования в этом отношении. Также очень интересной темой являются родственные связи семьи Петра с родом Нарышкиных, некоторые из которых прослежены в рассматриваемом труде.

Заключение

В целом же нет ни малейшего сомнения в значимости данного исследования, ставшего огромным шагом вперед в изучении не только истории династии Романовых в этот период, но и всей петровской эпохи в целом. Этот капитальный труд, бесспорно, войдет в число основополагающих для всех, кто обратится к истории петровского царствования и истории России конца XVII – первой трети XVIII в.

Сама книга только исследовательской частью не ограничивается. Львиную долю всего объема занимает публикация документов,

значительная часть которых упоминается в исследовании. Публикация эта выполнена по всем правилам современной научной археологии и вводит в научный оборот немало новых источников. Всего авторы представили на суд читателей 332 источника, среди которых материалы делопроизводства, указы и реляции, официальные и семейные письма и многие другие документы, связанные с темой монографии. Этот огромный пласт демонстрирует ту колоссальную источниковую базу, которая легла в основу исследования и которая, конечно, по своему значению гораздо шире и глубже узкосемейных и частных вопросов. Столь же фундаментальный характер носит и «Сводный перечень эпистолярного наследия», в котором учтена вся переписка членов семьи Петра I (кроме переписки царицы Прасковьи Фёдоровны с дочерьми). Здесь в хронологической последовательности представлены сведения о 1460 письмах, местах их хранения и публикациях. Такой свод делает книгу абсолютно уникальным справочником по петровскому времени, встающим в ряд с известной биохроникой Петра Великого, составленной крупнейшим специалистом по этой эпохе Е.В. Анисимовым².

Наконец, отдельных похвал заслуживает иллюстративный ряд книги, где, среди портретов, рисунков, гравюр, карт и предметов представлены и фотографические воспроизведения ряда интересных документов. Мне удалось заметить лишь одну неточность – вместо грамоты английской королевы Анны по случаю бракосочетания Алексея Петровича воспроизведена грамота английской же королевы Елизаветы I Борису Годунову, но, конечно, эта мелочь не может бросить тень на великолепие всей этой «иконотеки».

В заключение можно лишь повторить главное – труд Н.Ю. Болотиной, А.Ю. Кононовой и М.О. Болотиной встанет в ряд с крупнейшими научными исследованиями петровского времени и будет незаменимым пособием-путеводителем для всех, интересующихся историей династии Романовых.

Литература

Болотина 2013 – *Болотина Н.Ю.* Грамоты императора Священной Римской империи Карла VI русскому царю Петру I в собрании РГАДА // Вестник архивиста. 2013. № 3 (123). С. 244–261.

Голубовский 2011 – *Голубовский М.Д.* Необычная девиация репродукции в династии Романовых: повторные рождения девочек и прямое влияние

² *Анисимов Е.В.* Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.) // <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/?ysclid=lvpn17sdu8258649250> (дата обращения 5 апреля 2024 г.).

- генотипа отца // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2011. Т. 15. № 1. С. 56–65.
- Литвина, Успенский 2019 – Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*. 2019. Bd. 64. No. 1. С. 108–127.
- Литвина, Успенский 2022 – Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Антропонимические маски Петра Великого // *Palaeoslavica*. Vol. 30. No. 1/2. S. 186–199.
- Пчелов 1999 – Пчелов Е.В. Романовы в XVIII веке: эволюция династического статуса // Вестник архивиста. 1999. № 6 (54). С. 141–160.
- Пчелов 2011 – Пчелов Е.В. Имена в семье Петра Великого // Петровское время в лицах – 2011: Материалы научной конференции / Труды Гос. Эрмитажа. Т. 58. СПб., 2011. С. 307–316.
- Пчелов 2017 – Пчелов Е.В. Династия Романовых. М., 2017. 184 с.
- Симонов 1990 – Симонов Р.А. Когда родился Пётр I (К вопросу о русском суточном счете часов) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 21. Л., 1990. С. 158–169.
- Хоруженко 2001 – Хоруженко О.И. О происхождении Екатерины I // Европейские монархии в прошлом и настоящем XVIII–XX вв. СПб., 2001. С. 142–146.

References

- Bolotina, N.Yu. (2013), “Missive letters of the Holy Roman Emperor Charles VI to the Russian Tsar Peter I in the collection of the RGADA”, *Herald of an Archivist*, vol. 123, no. 3, pp. 244–261.
- Golubovskii, M.D. (2011), “Unusual reproduction deviation in the Romanov dynasty. Repeated births of girls and the direct influence of the father’s genotype”, *Vavilov Journal of Genetics and Breeding*, vol. 15, no. 1, pp. 56–65.
- Khoruzhenko, O.I. (2001), “About the origin of Catherine I”, in *Evropeiskie monarkhii v proshlom i nastoyashchem XVIII–XX vv.* [European monarchies in the past and present of the 18th – 20th centuries], St. Petersburg, Russia, pp. 142–146.
- Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2019), “Christian two-name system in the ruling dynasty in Russia. Stages of evolution”, in *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*, vol. 64, no. 1, pp. 108–127.
- Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2022), “Anthroponymic masks of Peter the Great”, *Palaeoslavica*, vol. 30, no. 1/2, pp. 186–199.
- Pchelov, E.V. (1999), “The Romanovs in the 18th century. The evolution of dynastic status”, *Herald of an Archivist*, vol. 54, no. 6, pp. 141–160.
- Pchelov, E.V. (2011), “Names in the family of Peter the Great”, Peter’s Time in persons, Proceedings of the scientific conference, *Works of the State Hermitage Museum*, vol. LVIII. St. Petersburg, pp. 307–316.
- Pchelov, E.V. (2017), *Dinastiya Romanovykh* [The Romanov dynasty], Moscow, Russia.

Simonov, R.A. (1990), “When Peter I was born (On the question of the Russian daily clock count)”, in *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines], iss. 21, pp. 158–169.

Информация об авторе

Евгений В. Пчелов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dep_kvssid@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6541-244X

Information about the author

Evgenii V. Pchelov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dep_kvssid@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6541-244X